

О.Н. Коришнова

РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИНТЕГРАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖЬЯ)

Анализируется проблема поиска этноконфессионального согласия в современном мире. Последняя вытекает из дилеммы глобализации, глобализации, с одной стороны, и сбалансированного функционирования общества и регионов – с другой. Материалом для анализа проблемы служат факты и процессы истории культурных контактов в Поволжье в Средние века и Новое время. Автор использует методы из арсенала ориенталистики, этнологии и регионоведения.

Ключевые слова: мусульманский мир; российская идентичность; Поволжье; глобализация; взаимодействие культур.

В гуманитарной науке признана аксиомой имманентно присущая исламу нераздельность индивидуального и общественного форматов бытия, что предполагает соответствующую внутреннюю идеологическую нагрузку, ментальную специфику и социальные и бытовые коннотации в процессе функционирования мусульманских сообществ. Традиции государств с преобладанием мусульманского населения на практике оказались наиболее устойчивыми, поскольку ислам в повседневной жизни консервативен по отношению к изменениям. Эта черта резонирует с потребностью современного сообщества к упрочению фундамента стабильности, невозможного без такого компонента, как творческое отношение к наследию и традициям.

Ныне вторжение ислама в глобально-планетарные геополитические процессы дрейфует к новым горизонтам не только в связи с демографическими вызовами и увеличением доли мусульман в численности обитателей земного шара. У исламского мира по отношению к глобализации сформировалась особая позиция. Какую роль – информационную, ознакомительную, инновационно-мобилизующую – сыграют регионы России? Насколько исторически обеспечена «подушка безопасности» в этих внутренних «бастионах защиты» и факторах развития?

Влияние мусульманской культуры в Поволжье утвердилось в конце позапрошлого тысячелетия под влиянием арабов, которые, по оценке историков начала XX в., «вносили сюда свою роскошно расцветшую цивилизацию». В результате с IX века восточная часть великой европейской равнины представляла более оживленный характер, чем западная [1. С. 15]. При этом включенность в сферу влияния Волжской Булгарии способствовала торговле с восточными народами и автохтонного населения волжских финнов («немая торговля», описанная арабскими географами IX–X вв.) По данным археологических раскопок, мярне, жившие по соседству с марицами в междуречье Волги, Унжи и Керженца, были включены в торговлю с дальними странами в наибольшей мере, о чем свидетельствуют артефакты, принадлежавшие волжским булгарам, скандинавам и славянам арабские монеты [2. С. 49]. В этой связи казанский историк М.Г. Худяков констатировал: «Благодаря выгодному географическому положению в узле торговых путей болгары захватили в свои руки посредничество между лесными местностями и иностранными купцами. Че-

рез болгар вывозились меха за границу, и болгары же распределяли ввозные предметы моды и роскоши по всему Волго-Камскому краю» [3. С. 163–164].

Давность и перманентность контактов народов региона сочеталась со своеобразной этнокультурной «конкуренцией» предков татар и русских в их воздействии на финно-угорское население. В свою очередь, древность традиций заимствований в сфере хозяйства и рецепции в культуре, взаимное знакомство, прежде всего через торговлю, увеличивали степень комплиментарности имиджей. По результатам сопоставления культур Руси и Волжской Булгарии Л.Н. Гумилев заключил, что различие между государствами было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, поскольку хозяйственные системы Булгарии и Северо-Восточной Руси были очень похожими – отличия были религиозными. Смешанное население Поволжья, по сути, «...сформировалось как один этнос. Мусульманская часть этого этноса называлась волжские булгары, православная – русские. Но по крови они одни и те же, по способу хозяйства – тоже, по культуре близки. Важна только как характерная отличительная черта, присущая этим частям идеология, то есть та высокая культурная традиция, которая роднила булгар с мусульманским миром, а Русь – с Византией» [4]. Однако «религиозно-мусульманский фанатизм еще не восторжествовал, и вера служила лишь индикатором отличий волжских булгар от славян» [5. С. 56].

О спектре торговых и культурных связей с соответствующей «маркой» красноречиво свидетельствуют предметы импорта из арабского мира, многовекторность места их изготовления подтверждают арабские источники. Ныне аксиоматичным стало признание научно-технологических достижений и трансляторских заслуг арабов в сфере высокой культуры. Культура и наука средневекового арабского мира, как признают и современные западные историки, послужила одним из факторов появления халифата, простиравшегося с VIII в. от Толедо до Кабула. В багдадском Доме мудрости (основан в XI в. халифом Харуном ар-Рашидом) переведены на арабский язык античные тексты. Дамаск стал местом появления первых больниц. В Фесе еще в IX в. создан первый университет – Карауин. Запад обязан средневековому мусульманскому миру сохранением античной мудрости, развитием картографии, медицины, филосо-

фии, математики и оптики [6. С. 95–96]. Арабскими картами пользовался и первооткрыватель Христофор Колумб в своем плавании.

В золотоордынский период на евразийском пространстве произошла этнокультурная консолидация тюркских народов, включая волго-камских татар, а также великорусского этноса. Эти процессы сопровождались в Волго-Уралье взаимодействием цивилизаций и культур, обусловленным веротерпимостью двух средневековых государств Восточной Европы и лежавшим в ее основе географически транзитным характером Руси и Волжской Булгарии. Оба государства выступали посредниками в торговле и культурных контактах Запада и Востока. Проявилась евразийская сущность России и в использовании татарского языка в качестве языка дипломатических контактов с тюрко-мусульманскими государствами, и особым геральдическим знаке Тугры, заимствованном из грамот крымских ханов и османских султанов (характерно для грамот русских царей XVII в.) [7. С. 89].

Колебательные цивилизационные процессы трансформировали субъектность и факторы политической и культурной гегемонии. Обширный мусульманский мир в XVI–XVIII вв. постепенно погрузился в стагнацию, и немалую роль в отставании турок как доминантной в тот период политической силы сыграло неограниченное господство религии. В то время как Запад пережил научную революцию и Реформацию, в ученом арабском мире было отвергнуто изучение философии, книги жгли, а вольнодумцев преследовали. Это было реализацией установки имамов, будто изучение греческой философии несовместимо с Кораном. Спротивлялся мусульманский мир и книгопечатанию (искусство каллиграфа почиталось выше ремесла печатника) [6. С. 113]. Ослабление Османской империи и алгоритмы российской истории предопределили специфику исторических процессов в северном мусульманском анклав Поволжья.

Присоединение края к Московии ознаменовало веху в панорамном процессе складывания поликонфессиональной России. Превращение в имперское государство с присоединением Казани получило мощный дополнительный импульс геополитической экспансии с вытекающими процессами культурной ассимиляции. Нерусские, неправославные народы («инородцы») встали перед вызовом угрозы этноконфессионального культурного бытия и сохранению своей идентичности. Опыт государственности в прошлые эпохи и историческая память о нем служили своеобразным маяком, причем консолидирующая роль ислама для существенного массива коренного населения была бесспорной.

Ассимиляционные процессы в имперский период проявлялись с разной степенью интенсивности. В начале XX в., когда спектр культурных взаимовлияний неуклонно нарастал, волго-уральские татары продемонстрировали способность к культурной адаптации в условиях модернизации всех сфер общества. При этом приобщение к светскому образованию и освоение достижений русской культуры сочеталось с сохранением исламской идентичности. Волгоуральское сообщество мусульман демонстрировало

способность к адаптации и восприятию новых явлений культуры без принципиального отказа от духовных ценностей ислама и традиций народной культуры. За счет минимизации претензий мусульман к государству ислам гасил этнические, политические и иные формы идентичности, и в религии усматривалась основа, гарант сохранения самобытности.

Обратим внимание на один методологически значимый тезис. Советский вариант этноконфессиональных отношений воплощен не только в экспериментах по ускоренному сближению наций и оформлению государственности союзных и автономных республик. Едва ли не большее значение для долговременных процессов века имела «фееризация» процессов солидарных действий людей различных этносов и различной конфессиональной принадлежности. Совместная монументализация эпохального подвига народов страны, прежде всего в годы Великой Отечественной войны, соответствующего всем критериям культурно-запечатленных мировых образцов, дополняла картину. Одновременно урбанизация, спутник индустриализации, внедрение в систему образования постулатов научной картины мира, даже отягощенных примитивными клише псевдомарксизма, предопределили снижение авторитета традиций и религиозных предписаний.

История, однако, – это не только разворачивание во времени закрученной спирали действия, не только производное человеческих волей, помноженных на специфику эпох. основополагающей является роль историка-интерпретатора, по определению в той или иной мере теоретика-историсофа. Обновление аналитического инструментария гуманитаристики представляет неизменно востребованную траекторию поиска в эру модернизации и кардинальных преобразований. В контексте эпохи Просвещения, интерес к которой ныне возрождается, в частности, благодаря возможности критической фокусировки в оценке модерна [8. С. 21], начало новаторскому взгляду положили исследователи из тюрков – предшественников современной гуманитаристики. Одна из гипотез социокультурного синтеза запечатлена в трудах представителей течения «Усул джадиде». Тогда, в конце XIX в., с новаций в сфере образования стартовало умственно-культурное движение на сближение с европейской культурой и переустройство всего уклада жизни. Реформа, с учетом психологии народа, проводилась осторожно, с преобладанием религиозно-нравственного воспитания, когда составлялись учебники морали на родном языке. Наука «Теджвид», которая учила правильному чтению Корана (фонетика арабского языка в применении к Корану), была включена в программу мектебе как основная [9. С. 36–37].

И. Гаспринский известен тем, что ввел понятие «русские мусульмане», под которым он понимал культурную общность внутренне целостного полиэтничного блока. Настаивая на нерасчлененности тюркоязычных народов России, Гаспринский способствовал распространению теории «культурного пантюркизма». При этом границы общности, смешанной с этническими русскими и представителями других народов России, простираются от христианского За-

пада до буддистского Востока и входят в состав России, как полагал основатель джадидизма. Идея общности тюркских народов России определялась Гаспринским принадлежностью к исламу [10. С. 29–30], что не помешало ему предложить формулу «русские мусульмане», предполагающую этнокультурный подтекст. «Уплотнение» процесса складывания сообщества «Русские мусульмане» стартовало в конце XVIII в., когда обозначились контуры курса имперского правительства на легализацию ислама и выработку баланса интересов двух ведущих конфессий империи как условия общественной стабильности.

Перепады в реализации не всегда политически отрефлексированного властями либерального курса объяснялись деликатностью сферы этноконфессиональных отношений как таковой, а также ситуативно-субъективными обстоятельствами исторического времени и политических режимов. Многолетняя Кавказская война первой половины XIX в., порожденная ею эскалация напряжения в отношениях с мусульманским сообществом привлекали внимание к теологическим аспектам ислама и культуре мусульманского населения России. В числе консультантов правительства по этим вопросам были и казанские востоковеды. Цензор восточных книг, признанный ориенталист А. Казем-Бек по приезду в Петербург давал экспертные заключения по исламской тематике, а казанский ориенталист И.Ф. Готвальд изучил и прокомментировал сочинение Н. Торнау по мусульманскому праву [11]. «Востокоориентированные» подвижки происходили и в сфере университетского образования. В соответствии с университетским Уставом 1835 г. во всех российских университетах помимо тюркских вводилось преподавание монгольского и калмыцкого языков¹.

Западный мэтр востоковедения С. Беккер справедливо отмечал ключевую роль Казани и Среднего Поволжья в гранд-нарративе историков XIX в. Ориенталист – наш современник Р. Джераси указал на позитивный импульс востоковедов Казани первой половины XIX в., специализировавшихся на лингвофилологическом изучении народов Востока, характеризовал это как шаг к системности и авторитетности. Малочисленность этнографических сочинений сочеталась со значимостью языковедческих трудов и интересом к культуре народов мира, что поощряло увлечение этнографией [12. С. 275].

В 1854 г. факультет восточных языков был переведен в Петербург, что существенно ослабило потенциал казанской ориенталистики. Одновременно формат восточных проектов расширения сети учебных заведений в восточных регионах сигнализировал о целенаправленной политике. Согласно проектам 1860-х гг. в Тифлисе предполагалось организовать кафедру истории мусульманского Востока, а также создать университеты в Саратове, Астрахани, Тифлисе и Крыму (проекты не были осуществлены). Не без поддержки правительства свой вклад в отечественное востоковедение вносили императорское Русское географическое общество, географическое общество в Петербурге, императорское общество любителей естествознания, имевшие отделы в азиатских владе-

ниях России. Эти научные объединения способствовали развитию «местных научных сил» [13].

Примечательно в ряду местных обществ Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. О высоком научном весе, достижениях и признании востоковедных изысканий его членом свидетельствует факт, что 14 казанских ученых были членами Академии наук России и 3 – Академии наук СССР [14. С. 6]. Примечательно, что в эпоху пробуждения национального сознания тюркских народов, прежде всего татар (начало XX в.), светская интеллигенция интересовалась наследием казанских востоковедов-тюркологов. Тогда же с очевидностью возросло внимание к восточным культурам, ибо Восток пробуждался. Пробуждался не без влияния русской революции и экспериментального курса большевиков, пытавшихся выйти на сопряжение архетипов Европы и Азии.

Евразийская сущность российской цивилизации требует использования особого методологического инструментария и его обновления. В современной гуманитарной и общественной науке наметились две тенденции. С одной стороны, глобализация побуждает к поиску путей методологического преодоления границ странового и регионального форматов. Исследователи фокусируют внимание на локальном контексте как на области, к которой применимы интегрирующие модели, либо как «на источниках для развития новых моделей, посредством компаративных исследований, отделяя универсальные “зерна” от локальных “плевел” [15. С. 13]. Наиболее широкоформатна «оптика» имперскости. Разумеется, в дискурс не вписываются сентенции-констатации, что империи, в состав которых входили многие этносы, рано или поздно распались.

Одной из концептуально значимых стала книга немецкого историка А. Каппелера, вызвавшая огромный интерес исследователей. Исследование тенденций национальной политики в России и СССР в XVI–XX вв. привело Каппелера к выводу о геретогенности Российской империи, к которой неприменимы определения «унитарное государство», «православная империя», «колониальная держава» [16. С. 113]. Мэтр определяет Российскую империю как традиционную предсовременную (предмодерновую) и противопоставляет ее западным заморским империям XIX в. Он трактует отношения покоренного нерусского населения как гибкие, прагматичные, терпимые и нерасистские [17. С. 509]. В отличие от Каппелера, группа американских историков-авторов издания, посвященного Российскому Востоку (рассмотрены восточные и южные регионы Российской империи с высокой долей нерусского населения), придерживается определения империи, сформулированного применительно к западным заморским империям. Согласно последнему империя предполагает многонациональное государство, где «ядро», «метропольная» нация доминирует и эксплуатирует сеть «колониальных», «периферийных» наций [17. С. 509].

Отметим, что имперский дискурс не противоречит изучению транснациональных процессов в русле регионологии, которая в этом случае приобретает новую

призму анализа. В русле методологической «встречи» уровней краеведения, провинциальной, региональной, страновой и глобальной истории обозначилось понятие локуса (определенного места). Некоторые авторы определяют его как выделенный или «сконструированный субъект истории – объект исторического изучения, не тождественный государству». Соотнесение локуса именно с государством обусловлено тем, что в истории государство есть универсальный субъект истории – объект исторического познания [18. С. 3–4]. Бум регионологии и регионоведения помогает преодолеть синдром, который З. Бауман назвал «обратной стороной модерна»: модерн как продолжение идей Просвещения постоянно противодействовал неопределенности, различиям, аномалиям, беспорядку, амбивалентности, олицетворяя устремленность к «моделируемому обществу» с его абстрактными универсальными принципами определенности, порядка обезличенного контроля [8. С. 27].

Возросшая значимость фактора религиозной социализации, конфессионального измерения поколенческих отношений обуславливает интерес исследователей к реконструкции религиозных культур мира (специфика мировосприятия, жизненного уклада, ментальных особенностей массового сознания). Актуальными становятся темпоральные представления адептов конфессий; «канонизированные» и идеализированные модели поведения в преданиях прошлого проецируются спустя десятилетия на повседневные практики [19. С. 89–90].

Экономическая глобализация в историческом формате рубежа XX–XXI вв. породила недовольство мусульманского мира, отразившись на исламских государствах преимущественно негативно. Протестное движение против экономического «конкистадорства» кумулировалось с реакцией отторжения массовой культуры, угрожающей поливариантности культур народов. В результате культурная гомогенизация в сочетании с претензиями на монополярность встретила вызовы, открытые и подспудные, со стороны традиционных (религиозно-обозначенных) культур. Обостряя внутренние противоречия в исламском мире, подталкивая деградацию политических систем, крушение моральных ценностей, развал семьи, глобализация «нигде не производит столь деструктивного эффекта, как в исламском мире» [20. С. 234].

Подытоживая размышления о культурно-интегративном потенциале конфессий как факторе устойчивого развития, отметим, что эпоха глобализации предельно актуализирует императив взаимодействия. Культурная глобализация, будучи процессом конституирования общих ценностных пространств морали, искусства, общения, образа жизни, стереотипов поведения, неоднозначно воспринимается и даже встречает противодействие представителей традиционных религий, в число которых входит ислам.

Возможен ли в этой ситуации диалог с участием культур современного мусульманского мира? Аргументом в пользу позитивного ответа и варианта альтернативы столкновению цивилизаций служит участие мусульманского мира в культурном диалоге. Диалог культур в Поволжье говорит в пользу призна-

ния страны уникальной моделью суперцивилизации и носителем исторического опыта нивелирования барьеров, разделяющих религии – оплот духовных ценностей. Антропологи констатируют закономерность: все общества в какой-либо мере закрыты, но должны открываться [19]. Для России открытость культурных – сообществ не абстрактный лозунг и не благое пожелание. По социокультурной природе страна уже в силу географических факторов синкретична, представляя собой производное взаимодействия и интеграции культур с различными этноконфессиональными характеристиками. Этнокультурная разнородность культурного наследия – основы этнокультурного архетипа, отражая историческую судьбу, запечатлена в сочетании византийского начала духовной сферы и мусульманского, «туранского элемента» культуры. К версии евразийцев примыкает концепция Л. Гумилева, смягчившая противопоставление России и Востока и акцентировавшая внимание на традиции общения славяно-православного и тюрко-мусульманского социокультурных миров, что не противоречит константе определяющей роли ислама для народов, культурная модель которых выстроена в канонах данной религии.

Оценивая опасность радикализации, с одной стороны, и интегративного потенциала ислама – с другой, следует иметь в виду ряд факторов. Во-первых, необходимо учитывать его регионально-теологические особенности (наличие различных масхабов и течений). Во-вторых, историческую трансляционную практику, когда исламская культура выступала интегратором античного наследия и западноевропейской культуры. Ссылаясь на укоренение ислама на просторах Евразии, исследователь И.А. Василенко констатировал его мощную культурную энергетику. «Мусульманская культура, побеждая в борьбе с местными верованиями, показала одновременно высокую способность к ассимиляции и синтезу инокультурных влияний» [21. С. 272]. В-третьих, изучение потенциала мультикультурализма ислама в XXI в. требует от элиты поликонфессиональных государств «умения правильно оценивать разные его тенденции, искать диалог с их носителями» [22. С. 5].

Изучение исторических корней феномена национальной и конфессиональной толерантности в России и регионах предполагает обращение к массиву исторических источников по этнокультурным коммуникациям на уровне повседневности, торговли, хозяйства, взаимодействия государственных и этноконфессиональных структур, контактов в сфере образования и просвещения. Они составляют не только сюжетную канву для осмысления этнографии. Не менее значима трактовка эффективности и феномена устойчивого развития современного российского социума сообществом историков, а также всего их гуманитарного «кластера». Глубина осмысления исторического опыта сосуществования, стабилизирующей роли традиций как своеобразного балансира в океане угроз для апробированных веками ценностей коррелирует с концептом глобализации. Угрозы унификации делают принципиально благоприятной для современного мира ситуацию, когда люди обладают набором идентич-

ностей, не находящихся в конфронтации друг с другом [22. С. 30].

В этой связи ареал Поволжья и Приуралья с различными образцами сосуществования, взаимопризнания этнической специфики и культурной толерантности бесценен не только как площадка исторической мемориализации опыта взаимодействия культур. В культурном отношении Поволжье можно рассматривать как лабораторию поиска и обретения не только способа сожительства народов разных языковых групп и конфессий, но и развития через взаимодействие [23. С. 145]. Диалог культур в формате встречи равных корневых культур явился важным

фактором конфессиональных отношений в этом регионе Евразии. Уровнями взаимодействия с поправкой на историческую динамику были генеалогические и культурные контакты представителей элиты, традиции образования и просветительства, повседневные контакты в быту, армейская жизнь, интеграция по политическому основанию принадлежности к идейным течениям и др. Перед лицом новых вызовов, порождаемых миграционным кризисом, рисков конфликта ценностей, соблазнов мультикультурализма как пути выхода из турбулентного состояния через апелляцию к опыту комплементарного сосуществования разных конфессий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Наряду с упомянутыми восточными языками изучались китайский, армянский и санскрит. В Казани в первой половине XIX в. закладывались основы научных школ арабистики, китаеведения, санскритологии, армяноведения, существовали проекты тибетских и еврейско-палестинских исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX–XV вв. М. : Изд-во магазина «Сотрудник школ» А.К. Залесской типогр. Г. Лиснера и Д. Собко, 1905. 279 с.
2. Шкалина Г.Е. Диалог культур в средневожском полиэтническом регионе в контексте современных реформ в России // Современные российские реформы: проблемы национального возрождения и развития. Казань: Управление делами Президента РТ, 1999. С. 48–50.
3. Худяков М.Г. История Камско-Вятского края // Избранные труды. Ижевск : «Удмуртия», 2008. 416 с.
4. Гумилев Л. Н. Черная легенда. М. : Экспресс, 1994. 624 с.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М. : Юна. 1992. 305 с.
6. Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира / пер с англ. М. : Аст; Сogrus, 2017. 544 с.
7. Машанова Л.В. Средневековая Россия и Евразия: контакты, взаимовлияния // Вестник государственного университета управления. Философия. История. Культурология. Право. Политология. 2000. № 1. С. 81–88.
8. Морган Д. Интерпретация модерна: кому принадлежит Просвещение, что это за проект? // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен. Казань : Изд-во КГУ, 1999. Ч. 1. С. 21–34.
9. Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.) (фрагменты книги) // Библиотека журнала «Казань». 1992. № 6. С. 34–42.
10. Червоная С.М. Идея национального согласия в сочинениях И. Гаспринского // Отечественная история. 1992. № 1. С. 158–165.
11. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законодательства. СПб., 1850. 621 с.
12. Джераси Р. Культурная судьба империи под вопросом: мусульманский восток в Российской этнографии XIX в. // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 271–306.
13. Недзелюк Т.Г. Концепция картины мира в изучении религиозных сообществ // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов : материалы междунар. науч.-практ. конфер., Казань, 22–23 ноября 2012 г. / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Р.А. Набиев, Е.А. Чиглинцев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2012. С. 34–42.
14. Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: основные этапы истории // Краеведческие среды. Казань, 2004. Вып. 4. С. 4–14.
15. Платт Кевин М.Ф. Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 10–24.
16. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер с нем. С. Червоной. М. : Прогресс. 1996. 340 с.
17. Martin T. Review: Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Edited by D. R. Brower, E.J. Lazzarini // Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies / Edited by, A. Rabinowitch, W.G. Rosenberg. Bloomington : Indiana University Press, 1997. P. xx+339.
18. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях. Ижевск : Удмуртский ун-т, 2012. С. 3–10.
19. Прохорова И.Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/za1.html> (дата обращения: 15.12.2018).
20. Федотова В.Г. Терроризм и глобализация // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И.К. Лисеев, Р.С. Сайфуллаев, А.А.-оглы Гезалов. М. : Канон +; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 231–250.
21. Василенко И.А. Диалог цивилизаций. М. : Едиториал УРСС, 1999. 272 с.
22. Смирнова С.К., Губогло М.Н. и др. Феномен Удмуртии. Т. 3: Идеология и технологии этнической мобилизации. Кн. 2: Удмуртское национальное движение и финно-угорское сообщество. М. : Удмуртия, 2003. 780 с.
23. Коршунова О.Н. Взаимодействие культур народов Поволжья и Приуралья в Новое время: исторический аспект. Чебоксары : Клио, 2000. 170 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 декабря 2019 г.

Russia and the Muslim World: To the Problem of Studying the Cultural and Integrative Potential of the Regions (On the Example of the Volga Region)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 149–154.

DOI: 10.17223/15617793/460/18

Olga N. Korshunova, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: felix_kor@mail.ru

Keywords: Muslim world; region; Volga region; Russian identity; globalization; algorithm; interaction of cultures.

The article analyzes the problem of finding ethno-confessional concord in the modern world. The problem follows from the dilemmas of mondialization and globalization, on the one hand, and the balanced functioning of society and regions, on the other. Today, the invasion of Islam into global geopolitical processes is drifting towards new horizons not only due to demographic challenges and an increase in the proportion of Muslims in the number of inhabitants of the globe. The Islamic world has a special position in relation to globalization. The article aims to determine the role of the cultural and integrative potential of confessions as a factor of sustainable development. It is important to take into account that modern globalization is extremely relevant to the imperative of interaction. Cultural globalization, being the process of constituting common value spaces of morality, art, communication, lifestyle, behavioral stereotypes, ambiguously perceived at different times, meets opposition from adherents of traditional religions, including Islam. The facts and processes of the history of cultural contacts in the Volga region in the Middle Ages and the New Time form the basis for the analysis. The author uses the methods from the arsenal of oriental science, ethnology and area studies. Racial, religious and national conflicts have not ceased to be a constant in the modern world. The relevance of the theme of mobilizing the potential of ethnic and religious harmony and interaction stems from the dilemmas of modernization and globalization, on the one hand, and the sustainable operation of society and regions, on the other. The research of historians, anthropologists, ethnologists on the topic of collective cultural identity, as well as diverse identities at the level of personal choice, form the basis of its design in post-Soviet Russia. Studying the complementarity potential, the adherence to the positive images of the other ethnic groups among the Volga Muslims as part of the Muslim world and at the same time part of Russia in the realities of globalization and the situation of religious challenges assumes combining the methodological tools and efforts of representatives of various humanities and involving Western issues in the discursive field. This is a prerequisite for an adequate analysis of Russian identity in the context of cultural and religious processes.

REFERENCES

- Mel'gunov, P.P. (1905) *Ocherki po istorii russkoy torgovli IX–XV vv.* [Essays on the history of Russian trade in the 9th–15th centuries]. Moscow: Izd-vo magazina "Sotrudnik shkol" A.K. Zaleskoy tipogr. G. Lissnera i D. Sobko.
- Shkalina, G.E. (1999) Dialog kul'tur v srednevolzhskom polietnicheskom regione v kontekste sovremennykh reform v Rossii [Dialogue of cultures in the Middle Volga polyethnic region in the context of modern reforms in Russia]. In: *Sovremennyye rossyiskie reformy: problemy natsional'nogo vozrozhdeniya i razvitiya* [Modern Russian reforms: problems of national revival and development]. Kazan: Upravlenie delami Prezidenta RT. pp. 48–50.
- Khudyakov, M.G. (2008) *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Izhevsk: Udmurtiya.
- Gumilev, L.N. (1994) *Chernaya legenda* [A black legend]. Moscow: Ekopros.
- Gumilev, L.N. (1992) *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. Moscow: Yuna.
- Ferguson, N. (2017) *Tsivilizatsiya: chem Zapad otlichaetsya ot ostal'nogo mira* [Civilization: The West and the Rest]. Translated from English. Moscow: Ast; Corpus.
- Mashanova, L.V. (2000) Srednevekovaya Rossiya i Evraziya: kontakty, vzaimovliyaniya [Medieval Russia and Eurasia: contacts, mutual influences]. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta upravleniya. Filosofiya. Istoriya. Kul'turologiya. Pravo. Politologiya*. 1. pp. 81–88.
- Morgan, D. (1999) Interpretatsiya moderna: komu prinadlezhit Prosveshchenie, chto eto za proekt? [Interpretation of modernity: who owns the Enlightenment, what is this project?]. Translated from English. In: *Komu prinadlezhit kul'tura? Obshchestvennyye nauki i perspektivy issledovaniy sotsiokul'turnykh peremen* [Who owns culture? Social sciences and research perspectives on sociocultural change]. Part 1. Kazan: Kazan State University. pp. 21–34.
- Validi, D. (1992) Ocherk istorii obrazovannosti i literatury tatar (do revolyutsii 1917 g.) (fragmenty knigi) [Essay on the history of education and literature of the Tatars (Before the Revolution of 1917)]. *Biblioteka zhurnala "Kazan"*. 6. pp. 34–42.
- Chervonnaya, S.M. (1992) Ideya natsional'nogo soglasiya v sochineniyakh I. Gasprinskogo [The Idea of National Accord in the Works of I. Gasprinsky]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 158–165.
- Tornau, N. (1850) *Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedeniya* [On the principles of Muslim jurisprudence]. St. Petersburg: Tip. 2 Otd. sobstv. e. i. v. kantelyarii.
- Geraci, R. (2004) Kul'turnaya sud'ba imperii pod voprosom: musul'manskiy vostok v Rossiyskoy etnografii XIX v. [The cultural fate of the empire in question: the Muslim East in the nineteenth-century Russian ethnography]. In: Gerasimov, I.V. et al. (eds) *Novaya imperskaya istoriya postssovetskogo prostranstva* [New imperial history of the post-Soviet space]. Kazan: Tsentri issledovaniy natsionalizma i imperii. pp. 271–306.
- Nedzelyuk, T.G. (2012) [The concept of a picture of the world in the study of religious communities]. *Istoricheskaya nauka i obrazovanie v usloviyakh sovremennykh vyzovov* [Historical science and education in conditions of modern challenges]. Proceedings of the International Conference. Kazan. 22–23 November 2012. Kazan: Kazan State University. pp. 34–42. (In Russian).
- Sidorova, I.B. (2004) Obshchestvo arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete: osnovnyye etapy istorii [The Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University: the main stages of history]. *Kraevedcheskie sredi*. 4. pp. 4–14.
- Platt Kevin, M.F. (2010) Zchem izuchat' antropologiyu? Vzgl'yad gumanitariya: vmesto manifesta [Why Study Anthropology? A humanist's view: instead of a manifesto]. Translated from English by A. Markov. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. pp. 10–24.
- Kappeler, A. (1996) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia – a multinational empire. Occurrence. History. Breakup]. Translated from German by S. Chervonnaya. Moscow: Progress.
- Martin, T. (1997) Review: Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. In: Rabinowitch, A. & Rosenberg, W.G. (eds) *Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies*. Bloomington: Indiana University Press.
- Malovichko, S.I. & Rumyantseva, M.F. (2012) Terminologicheskie problemy izucheniya istorii lokusa [Terminological problems of studying the history of a locus]. In: *Regional'naya istoriya, lokal'naya istoriya, istoricheskoe kraevedenie v predmetnykh polyakh* [Regional history, local history, historical local history in subject fields]. Izhevsk: Udmurt State University. pp. 3–10.
- Prokhorova, I.D. (2009) Novaya antropologiya kul'tury. Vstuplenie na pravakh manifesta [New anthropology of culture. Introduction as a manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 100. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/za1.html>. (Accessed: 15.12.2018).
- Fedotova, V.G. (2010) Terrorizm i globalizatsiya [Terrorism and globalization]. In: Liseev, I.K., Sayfullaev, R.S. & Gezalov, A.A.-ogly. (eds) *Fenomen globalizatsii v kontekste dialoga kul'tur* [The phenomenon of globalization in the context of the dialogue of cultures]. Moscow: Kanon +; ROOI "Reabilitatsiya". pp. 231–250.
- Vasilenko, I.A. (1999) *Dialog tsivilizatsiy* [Dialogue of civilizations]. Moscow: Editorial URSS.
- Smirmova, S.K. et al. (2003) *Fenomen Udmurtii* [The Phenomenon of Udmurtia]. Vol. 3. Book 2. Moscow: Udmurtiya.
- Korshunova, O.N. (2000) *Vzaimodeystvie kul'tur narodov Povolzh'ya i Priural'ya v Novoe vremya: istoricheskiy aspekt* [Interaction of the cultures of the peoples of the Volga and Ural regions in modern times: a historical aspect]. Cheboksary: Klio.

Received: 05 December 2019